

Сергей Павловский

Это мое дело

роман

Глава 1

Последний полосатый оккупант с достоинством покидал дочиста обглоданный остов картофельного куста. Емельянов в сердцах впечатал его каблуком в непросохшую еще после ночного дождя землю и мрачно прокомментировал:

— Все пожрал проклятый.

Вчерашние труды пошли насмарку. Сверхэффективный — судя по рекламному проспекту — ядохимикат «Каратэ», которым Емельянов старательно залил вчера поле, ночью смыло дождем. Проклятый «колорадо» ожил и снова полез в контрнаступление по всему фронту. Оставалось последнее, старое надежное средство: тщательно прочесать картофельное поле и утопить оголтелого агрессора в банке с бензином.

Емельянов вздохнул и заботливо склонился над очередным кустом, стараясь подставлять под неласковые полуденные лучи июльского солнца правый бок, вернее, то место, где поясницу

пропахал наискосок звездчатый, багровый шрам.

До обеда предстояло пройти еще две грядки, зато потом...

Емельянов даже зажмурился от удовольствия, представив аппетитный чесночный запах долгожданного заказного борща с галушками. Нет, не с теми галушками, что плавают в борще, а с другими — с теми, что режутся в глубокой тарелке на мелкие кусочки, вперемешку с лохмами куриного мяса, да с потрохами, заливаются сметаной, острейшим чесночным соусом, да круто посоливши, да под стограммульку очищенного, собственного производства, да...

Окончательно впавший в кулинарную прострацию Емельянов вздрогнул и не без сожаления вернулся из заоблачных кухонных далей на постылое картофельное поле.

В чувство его привел странный звук, напоминающий одновременно и кошачье мурлыканье, и рычание собаки, и сухой кашель астматика. Звук доносился из-за сиреневого куста на краю посадки, окаймляющей поле. Любой житель африканской саванны, заслышав его, сразу дал бы деру с максимально возможной быстротой: встреча с рассерженной самкой леопарда — незабываемое впечатление для счастливчиков, сохранивших после подобной встречи способность делиться впечатлениями.

Но здесь, в мирной южнорусской степи, леопарды в последние пару тысяч лет не водились, зоопарка, из которого подобный хищник мог «слинять», тоже поблизости не наблюдалось, а значит, звуки эти издавал человек, а точнее...

— Тю! — обрадовано гаркнул Емельянов. — А ну вылазь, чертушка!

«Чертушкой» оказался благообразный, зеркально выбритый мужичок лет сорока, в белоснежной рубахе и при галстуке.

Если бы какой-то провидец-художник, годочков эдак десять назад написал портрет нынешнего сорокалетнего Юрки Разумихина в полный рост, то Юрка, наверняка, набил бы портретисту морду за такое предвидение. Но факт оставался непреложным: и круглое аккуратное брюшко, и лысинка на макушке, и складка на шее — все это уже стало неотъемлемой частью нынешнего Разумихина, закадычного Емельяновского дружка и соратника. Разве что характерец Юрка сохранил почти в нетронутом годами виде.

— Здорово! — с ходу жизнерадостно предложил Емельянов, тиская уже почти холеную Юркину руку мозолистой куркульской дланью. — Пошли! Светка такого борщу наварила, да откупорю по такому случаю бутылочку «казёнки»...

Юркин приезд давал официальный повод добраться до вожделенного борща раньше срока, не опасаясь, что совестливый внутренний голос вякнет что-либо насчет незаконченных двух рядков. Это воодушевило.

— Не-не-не! — испуганно залебезил Разумихин. — Это в другой раз, в другой раз. Мне через полтора часа надо быть на заседании малого совнаркома...

Оптимизм на лице Емельянова сменился вначале досадой, а затем недоумением.

— Уж не хочешь ли ты сказать, что приперся по делу? — подозрительно осведомился он.

— Именно по делу, и по серьезному.

— Ха, — осклабился Емельянов. — Какие же это серьезные дела могут быть между крутым политиканом и скромным пенсионером-аграрием?

— Да есть одно, — замялся Разумихин.

— Ну так пошли в хату.

— Не, лучше в твою лесную резиденцию, — там сподручней.

— Давай, — пожал плечами Емельянов.

«Лесная резиденция» представляла собой два обтесанных под скамьи бревна, между которыми торчал грандиозный пень-стол, любовно отполированный умелыми Емельяновскими руками. Чуть в стороне спрятался в кустах орешника мангал и покачивался между молодыми

топольками уютный гамачок.

Емельянов заботливо укутал поясницу теплой фланелевой рубашой, чтобы сквозняком не прохватило единственную почку, и вольготно развалился на бревне, оставив, однако, Разумихину место рядышком.

Тот покосился на предложенное сидение, достал из сумочки газету и, заботливо подстелив ее, опасливо примостился на краешке бревна.

— Закурим? — предложил Емельянов.

— Ба! Ты ж бросил! — хохотнул Разумихин.

— Бросил, бросил... — пробурчал Емельянов. — Бросаю пока, на пару со Светкой, по системе штрафов. Так и пасем друг дружку. В кассе уже тысяч десять скопилось, но толку, честно скажу, маловато. О! Фирменные «Мальборо»! Взятки берешь, прохиндей?

— Не... Гуманитарная помощь от коллег из Вашингтона, — отшутился Разумихин. — Они там все курить побросали, сволочи, ну и шлют нам, чтобы добро не пропадало, — травитесь, мол, на здоровье.

Емельянов затыкнулся, прикрыв глаза, но, выпустив пахучую струйку дыма, не удержался от критики:

— А! Все одно: дыму много, а кайфу настоящего нет. То ли дело была наша сорокакопеечная «Ява» А?

— Да, — рассеянно согласился Юрка. — была... Слушай, а где ты бензин сейчас берешь?

— Это и есть твое серьезное дело? — изумился Емельянов.

— Не совсем, но почти рядом.

— Ну... сорок литров дают, как инвалиду на коксохимзаводе, еще сорок — через Союз воинов-афганцев, я туда по блату затесался, а остальное... Как и все, покупаю с бензовоза, на набережной.

— Давно брал на набережной, в последний раз?

— На той неделе.

— И почему?

— Девяносто — канистра.

— М-да... Уже по девяносто, — грустно покачал головой Разумихин. — Ну и что ты думаешь по этому поводу?

— Кто, я? Что я думаю? — восхитился Емельянов. — Это, по-моему, ты должен думать. Или это не ты зампред комиссии по энергоресурсам области, или как это у вас называется?...

— А тебя это так уж совершенно не волнует? — ехидно прищурился «зампред».

— Волнует, но чуть-чуть, — сознался Емельянов.

— А почему это «чуть-чуть»? — не унимался Разумихин.

— Да потому что какой толк с моих волнений... — Емельянов досадливо поморщился. — Что я должен организовывать — акции протеста? Митинги? Битье стекол в исполкоме?

Ты же знаешь: опыт в подобных делишках у меня ой, какой богатый, но говорит этот опыт следующее: все эти «акции» заканчиваются вселенским мордобоем. Мордобой заканчивается сменой режима — и только.

В мордобое я участвовать категорически отказываюсь — хватит, повоевал, сколько душеньке было угодно. Что до режима, так он меня устраивает. Я-то прокормлюсь от земли при любом режиме, который даст мне эту землю и не будет потом на нее зариться. Нынешний не зарится и не лезет в мои дела — значит, хрен с ним, а я вот на неделе двух свинтусов на базар вывез — и миллионер. Рубли в баксы тут же перегнал — и мне на полгода хватит.

А тебе, чтоб столько наварить, хапать надо на лапу — языком столько не заработаешь. Или я не прав?

— Да... Хорошо все у тебя, — сквозь зубы процедил Разумихин. — А у меня наоборот: все плохо. Трудно мне, понимаешь...

— В дерьме всегда трудно плыть, — назидательно изрек Емельянов, выживая из пачки

вторую сигарету. — я тебя предупреждал! Политик, гребана мать! Но мы до дела, кажется, так и не дошли, а?

— Да, — словно очнулся Юрка. — Видишь ли, «пасти» меня начали и, как я понимаю, отнюдь не за курение.

— «Пасти»? — искренне изумился Емельянов. — Заслуженного, всенародно избранного депутата? Кто же это осмелился?

— Кто... кто... Я пока только догадываться могу, кто. Никаких прямых улик у меня нет.

— И чем же ты этим инкогнито насолил?

— Понимаешь. — Разумихин забыл об опасной близости своих брюк к отнюдь не стерильной поверхности бревна, придвинулся к Емельянову и заговорил горячо и сбивчиво. — Ребят я нашел классных в Тюмени. Наши, казаки, и на хорошей нефти сидят. Мы тут кое с кем из директоров заводов, да с председателями колхозов покумекали, скооперировались, банк создали, акционерное совместное предприятие. Ну... это кухня сложная и тебе ни к чему. Факт тот, что сегодня в этой проклятой нефти мы можем утопить не только нашу область, но и половину Юга, не прибегая к помощи никаких «чурок» и, естественно, к московской власти. Чисто внутренняя работа, на уровне области. Даже района...

— Так и флаг вам в руки, — безразлично порекомендовал Емельянов, любуясь набежавшим на солнце ажурным облачком.

— Так здесь и начинается самое смешное.

— Что? Местная мафия, коррупция? — сладко потянулся Емельянов, которого от такого разговора потянуло ко сну.

— Ну да... — растерянно подтвердил Разумихин.

— Старые коммуняки, которые пересели из обкомовских кресел в исполкомовские или подались в крутые коммерческие фирмы, которые никогда не говорят «нет», но втихаря ставят палки в колеса и гребут, гребут, гребут под себя, так?

— Так.

— Так налей им кипятку в трусы, как ты умеешь, и пусть закроются.

— Налил.

— Ну и?

— Там, где касается миллиардов, их миллиардов, они сами кому угодно рот закроют. И еще как.

— И сейчас они как раз пытаются заткнуть его тебе?

— Именно.

— И какими же методами?

— Любыми, вплоть до пули в башку.

— Ха-ха-ха, — нарочито раздельно выговорил

Емельянов. — Что у нас тут — Чикаго, Богота или Сингапур?

— Господи, Саша, — нервно дернулся Разумихин. — Да ты в каком мире живешь?

— В своем собственном, — гордо сознался Емельянов. — Уже три года, и он мне очень нравится.

— Да ведь у нас тут — дела похлеще, чем в твоём Чикаго. Ты что, уже и газет не читаешь?

— Только местные, раздел «Текущие цены», а еще смотрю местное ТВ. На остальное я... ложил.

— Нашел чем гордиться, деревня, — фыркнул Разумихин.

— Сам дурак, — парировал Емельянов. — Короче: чего тебе надобно, старче?

— Поработай со мной пару месяцев! — выпалил Юрка.

— В качестве кого?

— В качестве шофера-телохранителя.

Они, словно по команде, устались вопросительно друг на друга и замерли.

— У тебя как с головой: все в порядке? — первым вышел из транса Емельянов.

— В порядке, — сухо отозвался заслуженный депутат. — Ну, так как?

— У вас в органах дефицит кадров? Получше кандидатуры нет? Наймите суперкачка из частного агентства, — посоветовал Емельянов с плохо

скрытой иронией.

Разумихин только пожал в ответ плечами.

— Слушай, я все-таки не догоняю, — продолжал Емельянов, но уже без иронии. — Ты что, серьезно?

— Серьезно, — вздохнул Разумихин. — Я попробую тебе объяснить — если, конечно, хочешь.

— Попробуй, — согласился Емельянов без особого энтузиазма.

Объяснял Разумихин недолго, да и объяснения свои считал излишними: уж кто-кто, а Емельянов должен был понимать его с полуслова. Ну что он, бывший военный разведчик, мог рассказать нового такому же битому — перебитому рыцарю плаща и кинжала?

Да, он жрал водку со всеми шишками из местного УВД, из прокуратуры, с гэбешниками: все они ходили в его «друганах», но их дружба нужна, если по пьянке угодил в ГАИ, или когда твой племяш-молокосос, родительское наказание, в очередной раз побил стекла в ресторане.

Но надеяться на их помощь в том деле, которое пытался сейчас «раскрутить» Разумихин, бесполезно: у самих «рыло в пуху», да и специалисты, прямо скажем, никудышные. Нет, накрыть уголовника они еще были в состоянии, но и то до настоящих воровских «авторитетов» уже руки не доходили. Да и не нуждался Разумихин в

их помощи, чтобы полностью раскрутить, кто и как под него и бензиновые самодеятельные инициативы копает. Но вот беда: пока он копался в этом деле, его запросто и попросту могли шлепнуть — и прощай.

А то, что так может случиться, он почувствовал, недавно, совсем недавно. Нет, давление на него начали оказывать уже давно: с того самого времени, когда начали подписываться первые контракты на поставку нефти с Тюменью. Потом пошли и анонимные письма с угрозами, и телефонные звонки, и дружеские советы знакомых и даже приятелей из числа правоохранителей.

На все это Разумихин чихал со своей колокольни, но теперь атмосфера вокруг стала другой.

В чем выражалась эта перемена, он пока и не смог бы сформулировать, просто носилось что-то в воздухе, и это «что-то» он чуял тренированным нюхом.

А еще «хвост», который он заметил позавчера: уж больно он был профессионален, этот «хвост», даже высокопрофессионален, кроме Разумихина его никто и не заметил.

Разумихинский шофер-телохранитель, которому «сам Бог велел», пребывал в безмятежном неведении, а Разумихин разглядел; и вот тут-то и вырисовывалась проблема: не мог он, ну просто

физически не мог сосредоточиться только на своей личной безопасности, как не может генерал одновременно выполнять сержантские функции.

Голова его постоянно была забита другими, более важными делами.

А его парнишка-телохранитель... Хотя и не полагалось такого по штату, Разумихин сам нашел подходящего паренька, устроил на работу и даже приплачивал ему из собственного кармана. Но что ж... Тот махал кулаками на загляденье, отлично стрелял, машину водил просто виртуозно, а еще был он спокойным, разумным и, главное, преданным, но... Этого всего хватало, чтобы разогнать уличных хулиганов, или пугнуть мелкого рэкетира-шантажиста, но...

Сколько уже насчитал этих чертовых «но» Разумихин в своем монологе!

Не было у парня опыта, да и где его набраться? А значит, не было чутья, настороженности, как говорят хирурги, не было. Играл в красивую мужскую игру и нравился сам себе. А тут в деле появились настоящие «профи», а противостоять профессионалу должен такой же профессионал, особенно, когда дело касается защиты, а не нападения. Таких профессионалов в их городе Разумихин знал троих: Емельянов, он сам, да пожалуй, Генка Стороженко — бывший боевой прапор, погоревший на контрабанде и

занимающийся не без успеха ныне автомобильным рэкетом.

Были и другие, теперь Разумихин это точно знал, но они-то, к сожалению, и представляли противоположную сторону.

Все это не мог не понять Емельянов — если бы захотел понять, но не захотел...

Выслушал-то он внимательно, но когда Разумихин закончил и повторил свою просьбу, шумно втянул носом воздух и протяжно выдохнул:

— М-да... И какой же ты рассчитывал получить ответ?

Разумихин промолчал.

— Ты прав, — понял это по-своему Емельянов. — Это означает «нет». И вот почему: я не верю! Просто не верю в наших доморощенных мафиози и наемных убийц. Понятно, полюбились «антинароду» заказные убийства: сейчас такое время, что большинство умных людей все сосредотачивает в своих руках и своих мозгах, и устранить одного человека — почти наверняка завалить дело. Но...

Да! Есть в бывшем Союзе ребята, которые могут сварить крутую кашу, и варят, еще как варят, но только не в нашей дыре, которую и провинцией не назовешь — дыра, и только. Кого ты боишься? Бывших гэбешников, влезших в «контору» из кресел комсомольских вожakov? Так они годились

только на то, чтобы добросовестно собирать «стуки», да попугивать изредка творческую интеллигенцию, из которой, кстати, в нашем городишке даже не вышло ни одного путного диссидента. Их боишься?

— Есть у нас и другие, — процедил сквозь зубы Разумихин.

— Может и есть, только ты с ними и без меня справишься. А я, извини, в вашу кашу не полезу. Я свое отработал.

— Значит, разговор, не получился?

— Не получился, — подтвердил Емельянов. — А другой разговор непременно получится.

— Какой же? — с кислой миной на лице осведомился Разумихин.

— А бери в субботу своих девок — и ко мне. Попаримся в сауне, шашлыки забацаем из свежатинок — тогда и увидишь какой.

— Мечта идиота, — криво усмехнулся заслуженный зампред. — Ладно, мне пора.

Он с нарочитой бодростью вскочил, потряхнув брюшком, и торопливо сунул Емельянову руку.

«Надулся, — ухмыльнулся про себя Емельянов. — Ничего, отойдет».

— Да, — Разумихин напоследок замешкался, затоптался на месте, словно хотел, но не решался сказать что-то важное. Наконец решился: — Я тут

на днях переписал старые концерты «Пинк Флойд». Запись качественная. Дать переписать?

— А что ж, завези, — согласился Емельянов. — Мои уже стерлись до дыр. Ха! Помнишь еще мои вкусы!

— Ладно, бывай, — Разумихин отсалютовал на прощание сжатым кулаком, осторожно, чтобы не дай, Бог, не запачкать белоснежной тоги ответственного работника, выбрался из зарослей и торопливо зашагал по утопанной тропинке к вымощенному бутом проселку.

Там его поджидала белая служебная «Волга».

— Вот чудило, — кинул ему вслед Емельянов и почему-то растроганно улыбнулся.

Глава 2

В субботу Разумихин ни с семьей, ни без семьи, естественно, не приехал. Естественно потому, что уж больно редкими стали такие дружеские визиты в последнее время. Не то, что бы дружба ослабла, хотя после последнего разговора возникла и такая опасность, а просто больно круто раздвоились на развилке прежде общая жизненная дорога. Не стало общих интересов, общих дел и общих знакомых, о которых так приятно покалякать на досуге за бутылочкой-другой.

Что же до Емельянова, то последние два года

общества жены Светки да гостившего сейчас у деда с бабкой десятилетнего болтунишки и непоседы Петьки ему хватало, пожалуй, с избытком.

«А все же жаль, что Юрка не приехал», — заключил Емельянов, рассуждая после субботней сауны о превратностях мужской дружбы. Атмосфера вечера располагала к таким философским изысканиям: распаренное, разомлевшее тело нежилось в недрах бездонного кресла, пиво второго пивзавода радовало близостью к лучшим западным образцам. Правда, чересчур заботливая супруга слишком заблаговременно выхватила бутылку из холодильника, дабы драгоценный Сашенька не застудил горлышка.

Впрочем, при его единственной почке такая забота выглядела не лишней.

«Вот бы еще сигаретку...» — размечтался Емельянов и опасливо, но с надеждой покосился на Светку, которая, казалось, с головой ушла в бесконечные мытарства Бенцониевской Марианны.

— Даже и не думай, — отрезала Светка, не поднимая глаз от книги.

— «У... зануда, — затосковал Емельянов. — Даже и не думай! Шериф из Техаса! А сама начит пачку «Голд Лайн», даже знаю — где. Ладно, переживем».

Емельянов глянул на часы: «Ого! Уже восемь! Посмотрим местные новости».

Он лениво потянулся за блоком ДУ в полиэтиленовом пакете, навел его на «Панасоник». Тот так же лениво, как и хозяин, щелкнул, но быстро выдал картинку дециметрового канала.

Более всего Емельянова и вправду интересовали сводка текущих рыночных цен на сельхозпродукты, погода да, немного, криминал. И нисколько не кривил он душой перед Юркой, когда заверял, что политические страсти его нисколько не трогают.

Сводка цен Емельянова порадовала мало: очередное их повышение внесло некоторую сумятицу на рынке, и третьего кабанчика он решил попридержать до поры до времени.

Метеорологи пригрозили кратковременными осадками, а это означало, что с искусственным поливом на неделе, возможно, возиться не придется.

Наконец белокурая, смазливая, но, увы, безвкусно одетая дикторша перешла к криминальной хронике: двадцать тяжелых ДТП за месяц с человеческими жертвами, шестьдесят квартирных краж за неделю, угоны автотранспорта...

Емельянов только головой покачивал.

Под конец выпуска на экране возник строгий, словно сошедший с пролеткультовского плаката милицейский полковник. Идеально плакатное лицо

его немного портила легкая одутловатость, но шла она отнюдь не от больных почек и потому мужественности полковнику не убавляла. Он насупил густые, а ля позапрошлый Леонид, брови и, не отрывая взгляда от бумажки, начал монотонно, тщательно следя за артикуляцией:

— «Сегодня днем, в одиннадцать часов двадцать минут, возле здания коммерческого банка «Альфа», по улице Добролюбова, произошло трагическое происшествие, — полковник выдержал паузу, давая слушателям возможность проникнуться, а затем бесстрастно продолжил: — При выходе из служебного автомобиля ГАЗ-31, белого цвета, номерной знак 3421 ЮДК, автоматной очередью в упор в голову был убит заместитель председателя комиссии по энергоресурсам области Разумихин Юрий Александрович.

Водитель служебной машины, Сватков Вячеслав Анатольевич, получил тяжкие ранения и находится в реанимационном отделении областной клинической больницы.

Убийцам удалось скрыться с места преступления. Это беспрецедентное по своей жестокости и наглости убийство не может не вызвать негодующего отклика среди широких слоев общественности нашего города, поэтому руководство областного и городского УВД

заверяет, что приложит максимум усилий для быстрого раскрытия этого тяжкого преступления. Убийцы будут найдены и покараны со всей строгостью закона.

Мы также обращаемся за помощью к свидетелям преступления — все сообщенные нам дополнительные сведения будут способствовать поимке преступников...»

— Сашка, Сашенька, — запричитала Светка, выронив книгу на пол. — Как же так... Как можно... Это же наш Юрка!..

Наконец до нее дошло: плаксивая гримаса перекосила Светкино лицо. Она заревела, по-детски шмыгая тотчас покрасневшим носом.

Емельянов безмолвно обмяк в своем кресле.

— Саша! Нужно немедленно ехать — там же Галка одна с ума сойдет, — выдавила Светка сквозь слезы.

— Да, нужно ехать, — автоматически согласился с ней Емельянов и вдруг резко выпрыгнул из кресла.

Он ринулся к платяному шкафу, рванул на себя дверцу и стал яростно выбрасывать прямо на пол какие-то тряпки, белье, полотенца.

— Что, что ты ищешь? — безразлично поинтересовалась Светка. — Деньги в секретере.

— Сигареты, — прорычал Емельянов, не оборачиваясь.

Вазочка, стоящая на шкафу, опасно накренилась и, не удержавшись, полетела вниз. Емельянов попытался поймать ее на лету, промахнулся, и вазочка с печальным звоном шмякнулась о паркет. Он испуганно бросился собирать хрустальные осколки и сгоряча напоролся на самый крупный.

Кровь щедро закапала из распоротой ладони. Емельянов сунул ладонь в рот, высасывая кровь, и... очухался.

— Значит так, — распорядился он, зажав, наконец, рану подвернувшимся под руку платком. — Ты берешь машину и едешь к Разумихиным. Поживешь пока у них. А я... Я уезжаю в Фергану по делам.

Слезы мгновенно просохли на Светкином лице. Оно вытянулось, в глазах медленно стыл еще неопределенный страх, который, наконец, перерос в ужасную уверенность:

— Саша, — срывающимся трагическим шепотом заканючила Светка. — Ты не вздумай, у тебя одна почка, ты инвалид, у нас Петька, это не твое дело!

— Заткнись! — рывкнул Емельянов и сам обмер: никогда еще не позволял он себе вот так орать на жену, притом любимую жену.

Странно, но после этого грубого окрика Светка почувствовала себя уверенней:

— Это не твое дело, — почти твердо повторила она. — Ты едешь со мной.

— Не мое дело? — тихо переспросил Емельянов и вдруг криво ухмыльнулся. — А знаешь, зачем Юрка приезжал в пятницу? Он просил меня поработать пару месяцев его телохранителем. Он ведь чувствовал... А я... Я согласился, между прочим, — солгал Емельянов. — Так что, считай, что это не в того пацана, что за рулем был, стреляли, а в меня. А ты говоришь: «Не мое дело».

— Но он же, Юрка, он... — опять всхлипнула Светка. — Он уже мертвый, ему не поможешь.

— Да, — спокойно согласился Емельянов. — Он-то мертвый, потому что один-единственный раз, слышишь?! — повторил, медленно зверея, Емельянов. — Один-единственный раз попросил меня прикрыть ему спину, а я отказался. Зато он всегда прикрывал мою и без просьб. Еще тогда, когда я спокойно уводил тебя с танцев, а он оставался разбираться с тусовкой и потом неделю прятал битую морду. Я из первой загранки вернулся без единой царапины только благодаря ему! — почти проорал Емельянов. — Потому что он всегда прикрывал мне спину, а его, как паршивую собаку, застрелили прямо на улице, в моем, слышишь: в моем городе! В нашем городе! Все! — он резко выдохнул. — Дебаты закончены. Ты едешь одна.

Светка подняла на мужа зареванные глаза, хотела что-то возразить, да так и осталась сидеть с раскрытым ртом: стоящий перед ней мужчина перестал быть ее мужем, Александром Даниловичем Емельяновым. Когда и какой таинственный тумблер щелкнул в его голове, неизвестно, но мирный хуторянин Александр Данилович исчез, трансформировался. На его месте возник майор стратегической военной разведки Емельянов. Странная это была и невиданная доселе его верной подругой и спутницей трансформация, а уж казалось, знала она своего Сашку как облупленного.

Обыватель Емельянов мог сомневаться, трусить, валять дурака, менять свои же решения по сто раз на день.

Майор Емельянов никогда не сомневался, ничего не боялся, решения принимал быстро, раз и навсегда, и действовал согласно навечно вбитому в его голову шаблону, шаблону, созданному многовековым опытом его коллег-предшественников и проверенному на собственной шкуре.

Нелепо, но именно поэтому проблема, казавшаяся невероятной, а потому и неразрешимой мирному обывателю, для майора Емельянова высветилась совершенно конкретной — и в этой конкретности, по большому счету, яйца выеденного

не стоила.

И Светка неведомо каким чутьем поняла: спорить с нынешним Емельяновым так же бесполезно, как и с должностной инструкцией. Она обвисла вся, безвольно уронив руки на колени и задрожала, словно в ознобе.

— Слушай меня внимательно. Э! Да ты меня слышишь? — встряхнул ее за плечи Емельянов.

— Слышу, — шевельнула побелевшими губами Светка.

— Тогда запоминай: сейчас направляешься к Галке. По дороге завернешь к тетке Любе. Расскажешь про Юрку и попросишь присмотреть за хозяйством. А про меня скажешь, что, мол, как назло, сегодня утром уехал в Фергану, к дружку Гафуру, по срочному делу. Фамилию Гафура не называй. Поняла?

Она едва кивнула головой в ответ.

— Хорошо. Пошли дальше. Завтра отправишь на имя Гафура телеграмму. Только ошибись адресом, будто в спешке. Пробуй к нему дозвониться, на глазах у всех, но якобы, — естественно, — не получается. Сможешь?

— Да...

— И, главное, — тебе могут помочь дозвониться. Ты понимаешь, кто. Если трубку возьмет мужчина и скажет, что это я — значит, считай, что это я и есть: говори с ним, будто со

мной. Поняла? Повтори!

— Тетка Люба, Гафур, ты в Фергане — уехал утром, телеграмма с ошибкой в адресе, если мужчина скажет, что он — это ты, значит так и есть, — скороговоркой бессмысленно повторила Светка.

— Умница, — Емельянов ласково погладил ее по голове. — И ничего не бойся, глупышка, я всегда буду рядом и все будет хорошо, а теперь собирайся.

Светка поднялась и словно лунатик принялась шарить в шкафу в поисках закрытого черного платья. Емельянов вышел в гараж — готовить машину.

Собственно, его «Нива» находилась в отличном рабочем состоянии. Он только проверил давление в шинах, глянул на уровень масла и тосола да поставил в багажник две полные канистры — про запас. Затем прогрел двигатель, выгнал «Ниву» из гаража и, отворив ворота, вернулся в хату.

Светлана уже немного оклемалась и шуровала почти с обычной своей «взрывной» энергией. Емельянов осталось только молча ждать, пока она закончит сборы. Ох, и печальными они были в этот раз!

Затем он провел жену до машины. Светка машинально подставила для поцелуя щеку — он также машинально чмокнул ее. И тогда она, словно

очнувшись от сна, прижалась к нему всем телом, обвила шею теплыми руками и жарко зашептала на ухо:

— Сашенька, ты ведь вернешься? Ты будешь осторожным? Ты же знаешь, как я тебя люблю. Я умру, если с тобой... А я все сделаю, как ты скажешь.

— Я обязательно вернусь, все будет хорошо. Я тебя тоже очень люблю, глупышка. — Емельянов ласково сжал ей голову ладонями, поцеловал в мягкие, податливые губы и легонько оттолкнул от себя.

Она уже захлопнула дверцу и газанула, примеряясь на холостом ходу к педали акселератора новыми туфлями на каблуке, когда Емельянов понял, что упустил что-то важное, пожалуй, даже самое главное. Мысль. Какая-то, пока абстрактная, мысль вертелась в голове, тревожила, не давала покоя, но, проклятая, никак не хотела материализоваться.

«Что, что упустил? — лихорадило мозг. — Ну! Рожай же, рожай! Есть! Какой же я осел!»

— Стой! — заорал он, втискивая плечи через приоткрытое окно «Нивы».

— Что еще? — испуганно отшатнулась Светлана.

— Самое главное... До меня только сейчас дошло. Ты помнишь, у Юрки в гостиной, прямо над

музыкальным центром, полочка с кассетами?

— Конечно, помню, — удивилась Светка.

— Так вот. Сразу, как только приедешь, сразу, но чтоб никто не видел, найдешь на полке кассету с «Пинк Флойд». «Пинк Флойд» запомнишь?

— Еще бы, — фыркнула Светка. — Твой шиз. Ты что, двинулся?

— Слушай внимательно, — зарычал Емельянов. — Это очень важно. Там на кассете еще будет ручкой или фломастером нарисована маленькая английская буква «d». Спрячешь эту кассету себе в сумочку.

— Да зачем она тебе, Бог мой? — возмутилась Светлана.

— Это мое дело. Завтра я позвоню ровно в одиннадцать, будь на телефоне. Я представлюсь как-нибудь и спрошу: «Когда назначены похороны?» Если кассета у тебя — назовешь точное время похорон, если нет — скажешь, что пока не определилось. Повтори!

Светка недоуменно повторила.

— Дальше. Если возьмешь кассету, то завтра же, после моего звонка, смотаешься к деду и опустишь ее в почтовый ящик. И никому ни слова, ни полслова. Все, езжай с Богом.

Красные габаритные огни, покачиваясь на ухабах, скрылись за поворотом.

Емельянов вытер со лба холодный пот.

«Ишак, точно ишак, — с облегчением подумал он. — Что значит потерять форму! Юрка же открытым текстом намекал, а я не понял».

Конечно же, Разумихин, копаясь в этом деле, воспользовался своим традиционным методом: записывать все наиболее важные разговоры на диктофон — остался у него со старых времен такой маленький, плоский и с двумя дорожками. Одна дорожка обычная — на нее Юрка записывал какую-нибудь музыку, а вторая — скрытая, прослушать ее можно было только на такой же технике, как его диктофон, либо перестроить на обычном магнитофоне головку — только надо знать, как.

А на кассету с «Пинк Флойд» он, наверняка, записал особо важные моменты всех разговоров, эдакую квинтэссенцию, и дал понять это Емельянов, а тот, старый осел, не понял.

«Ну ничего, — мысленно успокаивал себя Емельянов. — Лучше позже... А Светка наверняка успеет. Кроме того, ведь никто не подозревает об этой кассете. Основные кассеты с записью найдут в кабинете — и угомонятся, если еще их найдут».

Он неторопливо вернулся в хату. Теперь предстояло собраться и наметить приблизительный план операции, первой самостоятельной операции...

Первым делом он нашел в кладовой

небольшую саперную лопату, фонарь и направился в сад. Здесь, под старой грушей, Емельянов на «черный день» припрятал жестяную коробочку, и даже вездесущая Светка о ней не догадывалась.

Лопата мягко вошла в рыхлую землю, но рыл Емельянов осторожно — не дай Бог зацепить корни.

Минут через пять он добрался до заветной коробочки, бережно очистив ее рукавом, раскрыл, почему-то затаил дыхание. Бумажки, аккуратно завернутые в полиэтилен, оказались на месте, в коробочке. Зелененькие, еще новенькие, все с портретами американских президентов.

Ровно шестьдесят тысяч баксов — немалое состояние по нынешним временам.

Достались они Емельянов как случайный трофей рискованной и авантюрной операции в Анголе — не дурак уже был, не побрезговал, как бывало раньше. Переправил военным транспортником — так было надежней, но что пригодятся в таком деле — и помыслить не мог.

Емельянов сунул пакет за пазуху, зарыл яму, утрамбовал и присыпал сверху листьями. Лопату отнес в сарай и выкатил из него старенький, но еще надежный «Урал» с коляской — на первое время и такой транспорт сойдет. Теперь предстояло экипироваться.

В наплечную спортивную сумку он небрежно

побросал дорожный несессер, механическую бритву с ручным заводом, пару новых носков да пару исподнего.

Порывшись в ящиках комода, нашел тонкие кожаные перчатки, в столе — плоский диктофон «Филлипс»- такой же, как у Юрки.

Следом в сумку полетели связка старых ключей — подойдут как отмычки, бульонные кубики — незаменимое питание, банка растворимого кофе и кипятильник — стандартный набор командировочного.

Подумав, Емельянов добавил к набору баллончик с нейропаралитиком — может и сгодится в рукопашной, форма-то уже не та, — и, наконец, аккуратно упаковал немнущийся итальянский костюм, галстук и белую рубашу для возможного представительства. Все.

Натянул новые джинсы-варенки, черную тенниску, сверху накиннул кожаную куртку цвета гнилой вишни, немного потертую, зато такую фирменную, что не купишь запросто даже в Турции или Гонконге.

Конечно, летом даже ночью в куртке жарковато, зато под ней можно спрятать то, что другим видеть не полагается.

Обулся в высокие модные ботинки на шнуровке. Теперь Емельянов выглядел достаточно импозантно, чтобы вращаться в самом «крутом»

обществе, но, в то же время, неброско.

А вот оружия у него не было. Старая «ижевка» вряд ли может считаться оружием в такой ситуации, и Емельянов вздохнул, с сожалением вспомнив свой проверенный трофейный «майер».

Напоследок снял с полки забавную статуэтку-зажигалку, изображавшую чертика в банке, сунул ее в карман и решительно щелкнул выключателем.

Закрыв хату, сунул ключ под крыльцо и заметил время на циферблате часов: десять тридцать две, начало работы.

Глава 3

Ресторан «Козачий Куринь» пользовался в городе дурной славой. Расположился он на самом отшибе, у южного выезда из города. Собиралась здесь по вечерам всякая шушера, которую ресторан привлекал отдаленностью от центров цивилизации, опорных пунктов милиции — в частности, и живописными окрестностями.

Поначалу здесь устраивались крутые разборки, но со временем сами «блатняки», по договоренности с местным ОМОНОм, навели свой порядок. Место для разборок было вынесено в ближайшую лесопосадку.

В этот милый притончик и направил стопы

Емельянов в надежде отловить Генку Стороженко, бывшего боевого прапора, а ныне воровского авторитета по кличке «Бакс».

Кличку эту Генка заработал, пытаясь нечестным путем, а попросту контрабандой вывезти из загранички честно заработанные доллары. Впрочем, пытаясь в то время вывезти их честно — значило лишиться их навсегда.

Все Генкины сослуживцы тащили баксы через границу, и всем везло, но именно Генку злой рок избрал объектом шутки. Срок ему светил, ох, какой большой, но, учитывая Генкины заслуги и награды, и чистосердечное раскаяние...

Короче, отсидел Стороженко всего пять лет, а обретя свободу, с удивлением обнаружил, что мир вокруг изменился.

Помыкавшись в обновленном мире без дела полгодика, Генка нашел свое призвание в автомобильном рэкрете, а профессиональные навыки помогли ему вскоре занять и подобающее место на служебной лестнице уголовников.

Ресторан «Козачий Куринь» служил ему штаб-квартирой, а Емельянов как-то при случайной встрече об этом узнал.

«Урал», раздраженно рыкая, подкатил Емельянова по пешеходной дорожке прямо к тускло освещенному входу в ресторан.

На ступеньках крыльца громко клялись друг

другу в вечной дружбе трое одинаковых крепышей-малолеток. Четвертый деловито справлял за углом малую нужду за кустик сирени. Присутствие двух «дам», которые курили в сторонке, его нисколько не смущало, да и «дамы» не проявляли ни малейших признаков неудовольствия.

Емельянов неторопливо снял шикарный мотоциклетный шлем и небрежно забросил его в коляску — в этом месте его «Урал» был в большей безопасности, чем на охраняемой стоянке. Неизвестный завсегдатаям владелец мотоцикла мог запросто оказаться весьма крутой особой и приехал наверняка по делу, поэтому в его мотоцикл не стоило соваться.

Крепыши на крыльце приумолкли, оценивая загадочного ночного визитера.

Широкие плечи и почти двухметровый рост Емельянова их, судя по всему, мало впечатлили, зато фирменная куртка и модные ботинки, казалось, внушали должное почтение.

Впрочем, Емельянова его рейтинг среди малолеток не волновал. Он уверенно, не глядя по сторонам, проследовал мимо, небрежно толкнул ладонью стеклянную дверь и сразу очутился в полутемном, прокуренном зале ресторана.

Вечер уже закончился. Снулые официанты лениво прибирали столики, на сцене лабухи

зачехляли инструменты, с кухни доносился шум воды и звон посуды.

Кое-где за столиками еще допивали, пьяно галдя, шампанское и кофе немногочисленные компании, но общий праздник угас.

Емельянов зацепил за рукав первого попавшегося официанта и тихо шепнул ему на ухо:

— Шеф, где тут Бакса найти?

— Не знаю, спроси вон у тех, — устало кивнул в сторону углового столика официант и, осторожно высвободив рукав, заторопился по своим делам.

За указанным столиком скучали двое парней, и даже стоящая перед ними бутылка «Столичной», казалось, эту скуку не разведала.

Емельянов неторопливо направился к ним, остановился в двух шагах и, широко осклабившись, проворковал:

— Здорово, мужики. Бог в помощь.

Мужики одновременно повернули к нему головы, но, оглядев с ног до головы, ответом не удостоили и снова уткнулись в свою бутылку.

Емельянова такой прием несколько не обескураживал.

— Спасибо, уже ужинал, — продолжил он. — А вот Бакс мне очень нужен.

На это заявление один из «мужиков», бритоголовый, с бычьей шеей, хмыкнул и хрипло

пролаял своему собеседнику, апатичному блондину со сломанным носом:

— Слышь, Мустанг, ему Бакс нужен.

Тот только пожал в ответ плечами, но стало ясно, что нахальные запросы Емельянова ему не по душе.

— Бакс ему нужен, — повторил бритоголовый. — А? Но весь понт в том — нужен ли ты Баксу?

Он поднял на Емельянова оловянные глаза и икнул.

— Логичный вопрос, малыш, — ласково согласился с ним Емельянов. — Но мы с Баксом сами выясним — кто кому нужен.

— Ты уверен? — в голосе бритоголового прозвучала легкая ирония. — А капусты зеленой у тебя хватит?

— А зачем? — игриво склонил голову набок Емельянов.

— А затем... Пять минут базара с Баксом тянет на десять гринов, усек?

— Ну... Это дешевле, чем минута общения с Берсерком, — развел руками Емельянов.

— А кто такой твой Бр...серк? — голос впервые прорезался у белобрысого.

— Берсерк кто такой? — Емельянов задумчиво оглядел его изувеченный профиль, и неожиданно в голосе его зазвенел металл. —

Берсерк — это я и есть. А ваш номер шесть, малыши, так что вот ты, — он ткнул пальцем в бритоголового, — очень быстро, пока я не включил счетчик, найдешь Бакса и скажешь, что я хочу его видеть, усек?

Видно, появилось что-то у Емельянова в глазах, потому что бритоголовый, заглянув в них, слез со стула и, пятясь, пролепетал:

— Да ладно, ладно, сейчас найду... — и скрылся за почти невидимой в стене дверью.

Момент ему представился не очень удобный. Бакс как раз держал на руках «каре» и отчаянно торговался с бесцветным хлюпиком геморроидального вида, перед которым, однако, лежала внушительная пачка зеленых банкнот.

Бритоголовому, знавшему характер Бакса, пришлось дожидаться, пока игроки вскроются и часть «гринов» перекоцует из пачки в карман Бакса. Тогда он склонился над ухом своего шефа и зашептал:

— Бакс, слышь, там тебя какой-то Берсерк ищет.

— Кто? — удивленно вздернул брови Бакс.

— Да Берсерк какой-то, — неуверенно повторил бритоголовый, испугавшись, что напутал что-то в редкой кличке.

— Ну... — совсем изумился Бакс. — Это редчайший гость.

Его сосед справа, смуглолицый, красивый кавказец, чуть сдвинул в усмешке тонкие губы:

— Берсерк? Это значит «Бешенный». Так?

— Точно, Гиви, — подтвердил Бакс. — Ты, Буфер, проводи его в подсобку, — а я через минуту прихихляю.

— Берсерк... — задумчиво закатил глаза геморроидальный хлюпик. — Он что, залетный?

Бакс пожал плечами.

— Что, очень крутой? — не унимался хлюпик.

— Да... Покруче нас всех вместе взятых, — хмыкнул Бакс.

— Не знаю такого авторитета, — усомнился кавказец.

— И твой фарт, Гиви, что не знаешь, — хлопнул его по плечу Бакс, с сожалением покидая место, на котором ему так валила выигрышная карта. Он еще задержался на минуту возле сервированного столика в углу, рассовал по карманам бутылку водки, два фужера, лимон и вышел через заднюю дверь.

Емельянов уже поджидал его в заставленной ящиками полутемной подсобке. Он не без удобств устроился на одном из них, подперев другим спину, и поигрывал брелком ключа зажигания.

— Ну... Кого не ждал, так это тебя, босс, — Бакс с чувством тиснул Емельянову руку, и тот подметил, что Генка, черт его побери, искренне рад

встрече. — И по какому случаю вспомнил про меня — тоже догадываюсь.

Бакс уселся напротив Емельянова на какой-то бочонок, выдрал откуда-то кусок оберточной бумаги и, расстелив его прямо на полу, сноровисто выложил немудреные припасы. Емельянов безразлично наблюдал за его манипуляциями.

— Приемная у меня не ахти какая, — оправдывался Генка, нарезаю лимон. — Зато говорить можно спокойно о чем угодно. Ладно. — Он наполнил фужеры до краев и нахмурился. — Ну что, Александр Данилович, я не коньяк взял, потому как не за встречу выпить предлагаю, а за упокой души Юрия Александровича. Так, как с Вами, я с ним никогда не ладил, знаете, но что уважал покойника — это точно, да и настоящий он был мужик, без понтов.

— Да... — вздохнул Емельянов. — Был... Только ты, Гена, пей, а я — уж возьму грех на душу, — в другой раз.

— Да Вы, Александр Данилович, ГАИ не опасайтесь, — пренебрежительно махнул рукой Стороженко. — Если что, я Вам права на следующий же день привезу.

— Не в этом дело — мне «светиться» теперь нельзя — даже в ГАИ, понял?

— Вон оно что... — Сразу уразумел Генка. — Значит, сами решили разборку устроить. Ну,

царство небесное. — Он большими глотками опорожнил фужер до дна, утершись рукавом, шумно выдохнул, бросил небрежно в рот ломтик лимона и выудил из-за пазухи пачку «Кэмэла».

— Значит, разговор будет деловой? — Бакс протянул пачку Емельянову и предупредительно щелкнул зажигалкой.

— Деловой, Гена, — подтвердил тот, подкуривая.

— Что ж — поговорим.

Разговор прошел легко, впрочем, Емельянову всегда нравилось работать с Генкой. Толковый он был спец и умница.

Стороженко сразу предупредил, что информацией, нужной Емельянову, не располагает. Конечно, слышал кое-что, но убийство Разумихина к обычному уголовному миру, то есть к его, Бакса, вотчине, отношения не имеет. Люди над «заказом» поработали очень серьезные и на таком уровне, что никакому «авторитету»- уголовнику и не снился.

Короче, Бакс никому бы не посоветовал соваться в это дело, да Емельянов, если решил, полезет — дело ясное.

Что же до него самого, то ему дорога голова на плечах, и на активную помощь Емельянов пускай не рассчитывает, а вот помочь в обеспечении операции, даже и в материальном, он может. Это, конечно, тоже риск, но черт с ним... Он

же тоже человек и понимает, что такое мужская дружба.

То, что Генка не имеет никакой информации, Емельянова, конечно, огорчило. Честно говоря, он рассчитывал, что Стороженко хоть что-то знает. Но, похоже, Генка и вправду ничего не ведал.

В активной помощи Емельянов не нуждался и сразу же успокоил на этот счет Бакса, но что до обеспечения... Деньги у него есть и в достаточном количестве, но ему нужно, во-первых, оружие...

Бакс сразу предложил новенького «макара» и, даже, мини — узи. Но. Емельянова интересовал «майер». И потому, что он привык к этому пистолету, и потому, что у него сохранился великолепный глушитель именно под «майер».

Бакс поинтересовался: куда же он сплавил свой старый трофейный пистолет? Узнав, что Емельянов по — честному сдал, его в отдел, Бакс долго смеялся.

— Ну, босс, ну, артист, — потешался он, утирая выступившие от смеха слезы. — Пистолет, значит, сдал, а глушитель оставил на память.

Высмеявшись, Генка немного поразмыслил и вспомнил: «майер» в городе есть, у одного кента, как раз такой, как надо Емельянову, но он «меченый», а верней «моченый».

Это Емельянова устраивало — меченый «майер» стоил дешевле, но, самое главное, когда

его начнут искать, это наведет на ложный след. Стороженко пообещал достать его к завтрашнему дню.

Еще Емельянову требовался автомобиль. Какой марки — неважно, но обязательно «чистый», с техпаспортом и, желательно, с правами.

Тут у Бакса вообще не возникло проблем. Он предложил новую, только что с конвейера, «Таврию», зарегистрированную вчера по фиктивному паспорту на некоего Сечкина Ивана Федоровича. На этого Сечкина имелись и права. Нужно было только вклеить в них фотографию Емельянова и поставить на нее штамп ГАИ. Таких штампов Бакс всегда таскал в кармане с полдюжины.

Фото у предусмотрительного Емельянова нашлось в бумажнике, и Бакс пообещал проверить все к завтрашнему утру. Договорились и о фиктивном паспорте — в нем Емельянов тоже нуждался.

Когда дошли до финансов, Генка замялся. Емельянов понял причину этого замешательства.

— Да ты не мнись, Гена, я же сказал — деньги у меня есть.

— Ладно, — прищурился Стороженко. — Это все по нашим расценкам, я имею в виду, и «майер» с патронами, тянет на двадцать штук зеленых, но с тебя босс, я запрошу десять.